

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.14>

UDC 327(470)
LBC 63.3(235)

Submitted: 16.09.2017
Accepted: 16.02.2017

**PARTICIPATION OF RUSSIA AND TURKEY
IN THE POLITICAL PROCESSES
OF THE SOUTH CAUCASUS (1918)¹**

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia Federation

Abstract. The article studies the influence of Russia and Turkey on the political development of the South Caucasus in 1918. The choice of 1918 year is conditioned by its transitivity in the relations of two countries with regard to the Caucasus region: peace treaty was concluded, but cooperation was not achieved yet. After the fall of the monarchy Russia entered the stage of reconstruction, while Turkey was on the verge of the final fall of the Young Turks. For both countries the territory of the South Caucasus became the stage of political struggle for realizing imperial ambitions and an attempt to prevent the final territorial disintegration of states. The author shows a difference between Russian and Turkish political approaches. Turkey acted directly, holding negotiations and introducing troops, while Russia had no contacts with Caucasus officials and tried to weaken the Turkish activity in the region through Germany. The conflict nature of the region, which had earlier been suppressed by the power of Russian monarchy, was revealed now.

The author presents the political development of the South Caucasus in the form of evolution from the idea of autonomy within the Russian statehood to the proclamation of independence of Georgia, Azerbaijan and Armenia. Considering the South Caucasus political development in the international context is conditioned by dependence on external challenges, which determined the decisions and actions of Caucasian political elites.

On the one hand, the newly formed Caucasian governments declared their independence at the international level. On the other hand, these governments were dependent on the leaders of world politics in achieving their goals. The participation of Russia and Turkey in the political processes in the South Caucasus was associated with the contradictory aims. Both parties didn't want to be eliminated from the Caucasian region. At the same time, they tried to avoid military conflict. The Turkish government's motivation to use the military power consisted in the need to protect the Muslim population, but not in opposition to Russia. In general, year 1918 marked two opposite perspectives for both countries: for Russia – the loss of the Caucasus as a territory and a sphere of influence; for Turkey – strengthening positions through the local Muslim population.

Key words: South Caucasus, Revolution of 1917, Brest Treaty, Trabizond Conference, Batum Conference, Transcaucasian Sejm, Young Turks, Bolsheviks.

Citation. Ambartsumyan K.R. Participation of Russia and Turkey in the Political Processes of the South Caucasus (1918). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 2, pp. 166-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.14>

УДК 327(470)
ББК 63.3(235)

Дата поступления статьи: 16.09.2017
Дата принятия статьи: 16.02.2017

УЧАСТИЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА В 1918 ГОДУ¹

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется проблема влияния России и Турции на политическое развитие Южного Кавказа в 1918 году. Выбор 1918 г. обуславливается его переходностью в отношениях держав относительно Кавказского региона: был заключен мир, но сотрудничества пока не было. Россия пребывала в стадии переустройства после падения монархии, Турция находилась накануне окончательного падения младотурков. При этом для обеих сторон пределы Южного Кавказа стали ареной реализации имперских амбиций и попыткой сохранить свои государства от окончательного территориального распада. Автор показал различие в подходах: Турция действовала прямо, ведя переговоры и вводя войска, Россия не вступала в переговоры с кавказскими представителями и турецкую активность в регионе пыталась гасить через Германию. Со всей очевидностью обнаружилась конфликтность региона, сдерживаемая до того властной рукой российской монархии. Политическое развитие Южного Кавказа представлено в статье в виде эволюции от идеи автономии в пределах российской государственности до провозглашения независимости Грузии, Азербайджаном и Арменией. Помещение проблемы политического развития Южного Кавказа в международный контекст обусловлено высокой степенью зависимости от внешних вызовов, под которые местные политические элиты вынуждены были подстраиваться в своих решениях и действиях.

С одной стороны, новообразованные кавказские правительства на международном уровне декларировали свою суверенность, с другой стороны, в достижении своих целей были зависимы от ведущих игроков мировой политики. Участие России и Турции в политических процессах на Южном Кавказе было связано с противоречивыми желаниями. Обе стороны не хотели устраняться из региона, при этом пытались избежать открытого столкновения. Мотивом использования военной силы для турецкого правительства была необходимость защиты мусульманского населения, но никак не противостояние с Россией. В целом 1918 г. для двух держав обозначил две противоположные перспективы: для России – утрата Кавказа не только территориально, но и как сферы влияния, для Турции – усиление позиций с опорой на местное мусульманское население.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Революция 1917 г., Брестский договор, Трапезундская конференция, Батумская конференция, Закавказский сейм, младотурки, большевики.

Цитирование. Амбарцумян К. Р. Участие России и Турции в политических процессах Южного Кавказа в 1918 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 166–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.14>

Первая мировая война и Революция 1917 г. в России ознаменовали цивилизационный разлом, который изменил карту Европы и геополитическую ситуацию. Европа переживала трансформацию, которая в полной мере сравнима с тектоническими сдвигами. Свержение монархии Романовых открыло серию крушений континентальных империй. В 1918 г. прекратили свое существование Австро-Венгрия, Германская и Османская империи. Демонтаж старых государств привел к кардинальной перекройке государственных политических систем Европы и Ближнего Востока.

1918 г. мы расцениваем как рубеж в развитии отношений России и Турции, в том числе относительно Кавказского региона. Ему

предшествовало участие стран в противоположных военно-политических блоках Первой мировой войны, в которой Кавказский фронт стал значимым театром военных действий. В 1918 г. произошло подписание Брестского мирного договора и изменилась конфигурация отношений. Они вступили в полосу трансформации – это было еще не сотрудничество, но уже не военное противостояние в том масштабе, как это происходило до указанных выше рубежных событий. В годы, последовавшие за 1918-м, политика России и Турции в кавказском вопросе резко изменилась. В 1919 г. активность попыток обеих сторон существенно ослабла. Это было обусловлено падением власти младотурок в Турции и эскалацией Гражданской войны в России.

С 1920 г. начался новый этап отношений – бывшие империи стали изгоями на международной арене. РСФСР, как и движение Кемаля, не были признаны ведущими державами мира Великобританией, Францией, США. Турция была проигравшей в Первой мировой войне страной Тройственного Союза, а Россия – исчадьем коммунистического «ада». В этих условиях обстоятельства бросили эти страны «в объятия друг другу».

1918 г. стал отправной точкой политических изменений, переломным для России и Турции в их политической трансформации. В октябре 1918 г. было заключено Мудросское перемирие, ставшее началом национальной борьбы турок за независимость под руководством М. Кемаля, которая завершилась созданием в 1923 г. Турецкой республики. Согласно условиям договора, Турция покинула Кавказ и возвращалась к довоенным границам. Для большевиков 1918 г. стал отправной точкой для формирования нового типа государственности. Он ознаменовался принятием первой Конституции РСФСР. Вместе с тем развернулась небывалая по масштабам Гражданская война.

Именно в 1918 г. началась практическая деятельность по формированию кавказской государственности. В регионе обострилось межэтническое, политическое, социальное противостояние, что повлияло на расстановку иностранных и российских сил на Кавказе. Одновременно изменение политической власти в Турции и России влияло на конфигурацию Кавказа во внешней политике этих стран. Наконец, в 1918 г. произошло стремительное развитие политической организации народов Южного Кавказа: от Закавказского комиссариата до независимых государственных образований.

Обращение к проблеме отношений России и Турции происходило как в советской, так и осуществляется в современной историографии [19]. Из недавних исследований Кавказу в контексте советско-турецких отношений посвящена диссертация Мустафы Озтюрка, который изучает события 1918 г. в свете попыток реализации Брест-Литовского мирного договора [16].

В рамках данной статьи ставится цель – изучение влияния России и Турции на политический процесс на Южном Кавказе в 1918 году. Под политическим процессом понимается

деятельность субъектов политических отношений, отражающих стадии изменения политической системы и направленных на достижение политических целей на уровне определенного Южнокавказского региона [15]. Начало ему было положено до Революции 1917 г. (партии, рост оппозиции, рост национального самосознания), а Революция создала условия для открытых выступлений разного толка, ускорила эти процессы, стала толчком к стремлению государственного определения и независимости. На протяжении короткого периода произошли стремительные изменения в позициях кавказской интеллектуально-политической элиты. Идеи автономности в составе России эволюционировали до идеи создания независимых республик. Эти идеи благодаря провозглашенным принципам Российской революции получили реальное воплощение в оформлении независимости Грузии, Армении, Азербайджана. Высокая степень интенсивности политической жизни, протекающей в режиме развития, обуславливалась необходимостью адаптироваться к новому контексту существования.

Ситуацию метко охарактеризовал А.И. Деникин, назвав происходившее «балканизацией русского государства по признакам национальным, территориальным, историческим, псевдоисторическим, подчас совершенно случайным, обусловленным местным соотношением сил» [7, с. 198]. Для понимания ситуации 1918 г. следует обратиться к более раннему периоду. Февраль 1917 г. стал основанием для надежд кавказских народов на получение автономии в составе русского государства. Однако Временное правительство не приступило к разрешению национального вопроса. После прихода к власти большевики не могли его больше игнорировать, и в ноябре 1917 г. была принята «Декларация прав народов России» [10, с. 14–15], давшая право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Данный документ легитимизировал претензии кавказских народов на собственную суверенную государственность. Таким образом, был дан старт формированию национальных государственных образований. Пребывание кавказских народов в составе Кавказского наместничества до Революции и целый ряд этно-

территориальных проблем осложнили процесс самоопределения грузинского, азербайджанского и армянского народов. В этих условиях наибольшее значение для политического процесса Южного Кавказа стал иметь международный контекст, в который пытались вписаться кавказские политики.

Местные политические элиты предпринимали попытки консолидации и выработки единой стратегии стабилизации положения в регионе. 15 ноября 1917 г. власть взял Закавказский комиссариат (просуществовал до 26 мая 1918 г.) во главе с меньшевиком Е.П. Гегечкори. В январе 1918 г. было принято решение о создании законодательного органа – Закавказского сейма из членов, избранных во Всероссийское учредительное собрание. Состав сейма отражает сложное переплетение этнического и политического разнообразия одновременно. Множеству национальных партий без координирующей внешней силы трудно было действовать в рамках единого политического процесса. Здесь были представлены меньшевики, мусаватисты, дашнаки, эсеры, гумметисты, иттихадисты, кадеты, социал-федералисты. Только Азербайджанская фракция включала три партии «Мусават», «Иттихад», «Гуммет», а также мусульманский социалистический блок. Кавказский краевой комитет РСДРП(б) выступил против создания сейма [22, с. 39]. В отличие от России под воздействием революции на Кавказе актуализировались не социальные, а национальные проблемы. Поэтому сильная национальная идентичность позволяла преодолевать политические разногласия внутри этнических групп сейма. Так, упомянутые азербайджанские партии сплотились в мусульманскую фракцию [5, с. 11], что в дальнейшем облегчило единство во взаимодействии с Турцией.

И перед комиссариатом, и перед сеймом встал целый ряд сложных вопросов: о позиции по отношению к российской государственности, о войне и мире, о Кавказском фронте и угрозе турецкого нашествия [7]. Во многом по инерции в апреле 1918 г. была образована Закавказская демократическая федеративная республика, которая была призвана сохранить единство именно Южного Кавказа. Инерционность обуславливается двумя факторами. Во-первых, представители политической эли-

ты Южного Кавказа в основной своей массе – это интеллигенция, получившая образование и социальный опыт в Российской империи, поэтому имперская идентичность была частью их сознания. Во-вторых, не имея опыта в принятии самостоятельных решений, кавказские политические круги предпочли консолидироваться. До провозглашения республики Закавказский сейм идентифицировал себя как орган, «представляющий интересы демократической страны» [9, л. 55], то есть самостоятельного государства. При этом принятие внешнеполитических решений осуществлялось с оглядкой то на Турцию, то на положение дел в России.

Со временем разногласия между грузинским, азербайджанским и армянским народами только усиливались, этнотерриториальные споры усугублялись разной внешнеполитической направленностью элит. Оценивая расстановку приоритетов в своих воспоминаниях, председатель правительства Грузинской демократической республики Ной Жордания отмечал: «Ничего удивительного, что все кавказские конференции не имели успеха. Бакинское правительство смотрело в сторону Турции, Ереванское – в сторону России. Остались одни мы, которые хотели иметь настоящую независимость» [11, с. 107].

В затруднительном положении в Закавказском сейме оказалась Армения. Для армян, безусловно, была предпочтительнее помощь России, тогда как на заседаниях подчеркивалась необходимость идти на переговоры с Турцией без участия российских представителей. На фоне надвигающейся турецкой армии «...армяне смотрели все время в сторону России и ждали ее прихода, как спасительницы от турецкой угрозы» [1]. При этом следует отметить, что большевикам Армения подчиняться не желала. Разгон Учредительного собрания со всей очевидностью показал бесперспективность надежд на мирный диалог с ними [21, л. 42 об.]. С другой стороны, в дальнейшем не оправдались расчеты на английскую помощь. Как отмечал А.И. Хатисов, будучи министром иностранных дел Республики Армения, невзирая на полноту полученных сведений о необходимой поддержке, Англия таковой не оказала [23]. Г. Петросян выделяет следующую особенность в

расстановке приоритетов: восточные армяне полагали, что власть России неизбежно восстановится, западные армяне понимали под Арменией только Анатолию. Мнения членов парламента Республики Армения разделились, многие независимость отождествляли с катастрофой [17, с. 41]. Что касается Турецкой Армении, то Закавказский сейм считал необходимым добиваться ее самоопределения и автономии в пределах турецкой государственности [9, л. 71].

В Грузии не было согласия и относительно России, и относительно федерации. 20 ноября 1917 г. собрался первый национальный съезд Грузии, в работе которого большевики участия не принимали. Меньшевики и в работе съезда, и созданного Национального совета Грузии играли ведущую роль. По инерции еще отстаивались демократические идеи Февральской революции, и официально не говорилось об отделении от России. При всех разногласиях грузины оказались наиболее политически организованным народом. В Грузии меньшевики стали партией, способной возглавить страну. После разгона Учредительного собрания меньшевики, как и дашнаки, стали говорить об «отмежевании» от России и объединении народов в Закавказскую федерацию [14].

Турция фактически вела двойную игру, которая влияла на политическую ориентацию Южного Кавказа. Вступая с Закавказским правительством в контакт, минуя Россию, она де-факто признавала его право на самостоятельную внешнюю политику. 5 декабря 1917 г. Закавказский комиссариат подписал Эрзинджанское перемирие с Турцией. 1 января 1918 г. командующий Кавказской Армией генерал Одишелидзе получил письмо турецкого военачальника Вехиб-Паши [18, л. 55]. Согласно документу турецкая сторона уже тогда рассматривала Закавказский комиссариат как самостоятельное правительство и предложила вести переговоры о мире. Чуть позже, 15 января 1918 г., он предложил Закавказскому правительству отправить своих делегатов в Брест-Литовск [18, л. 56].

Для кавказских политических кругов такие констатации становились стимулом к продвижению к полной суверенности. На этом этапе ждали реакции и действий русских, но, бе-

зусловно, не большевиков. Была попытка объединить усилия с Украинской Центральной Радой и Юго-Восточным Союзом казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, но безуспешно. Создавалось ощущение одиночества, как писал А.И. Хатисов, «из России никто не отозвался». Он отметил двусмысленность ожиданий в этот период. Получалось, что фактически Кавказ был самостоятельным, но юридически это не декларировал. Турецкую сторону эти колебания раздражали как проявления «русофильства кавказских народов, армян и грузин главным образом» [21].

На запрос Вехиб-Паши о начале переговорного процесса Закавказский сейм в начале февраля 1918 г. ответил согласием. Так была достигнута договоренность о Трапезундской конференции. Турецкая сторона всячески демонстрировала свое восприятие Закавказского правительства как самостоятельной политической силы, но только на уровне двусторонних отношений, не афишируя в широком международном контексте.

Закавказское правительство действовало даже не тактически, а по принципу «ad hoc». Краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под председательством Ноя Жордани, получив информацию о предложении Вехиб-Паши, высказался за необходимость дождаться полномочий Российского Учредительного собрания. Влияние России в этой ситуации было косвенным, разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. большевики подтолкнули Закавказское правительство к самостоятельности в достижении мира с Турцией. Отсюда возникла идея Закавказского сейма, включившего в себя лиц, избранных в Российское Учредительное собрание.

Иницируя контакты с Закавказским правительством, Турция продолжала вести переговоры с Россией. Активность исходила именно от турецких властей, которые боялись упустить удобный момент российского безвластия на Кавказе. Большевики же не рассматривали Закавказское правительство как легитимный политический орган, упорно игнорировался факт усиления национальных движений, и вся проблема сепаратизма Южного Кавказа на официальном уровне переводилась в плоскость действия контрреволюционных сил. Не учитывался исторический опыт взаимоотношений

России и Кавказа, региональная специфика не рассматривалась вообще, по аналогии с Украиной, В.И. Ленин именовал Закавказский сейм «Кавказской Радой» [13, с. 338].

С 27 февраля 1918 г. в Трапезунде начала работать конференция, на которой Закавказская делегация официально настаивала на восстановлении государственных границ, существовавших между Россией и Турцией на момент объявления войны в 1914 году. Все происходило тогда, когда Брест-Литовские переговоры еще шли, подписанный затем большевиками мирный договор делегация Закавказья не признала, постепенно вынуждена была уступить в территориальных спорах и предложила несколько отодвинуть границы так, чтобы Турция имела округ Ольты, южную часть Ардаганского округа, юго-западную часть Карского и западную часть Кагызманского округа [20, л. 57]. В это время турецкая армия вплотную подошла к Карсу и вступила в него под предлогом жестокости находившихся там армянских частей, так официально сообщил командующий Кавказским фронтом Вагиб-Паша [20, л. 60]. В этой связи на конференции в Трапезунде Турция твердо отказалась пересматривать границы, оговоренные с большевиками в Бресте. Аргументировалось нежелание идти на компромисс также отсутствием закавказских представителей в момент подписания мирного договора. Теперь акценты сместились, и турецкая сторона подчеркивала, что с самого начала Южный Кавказ определил себя как часть России, а не отдельное государство [20, л. 72]. Вообще договариваться было трудно не только из-за лавирования Турции. Затрудняла работу многочисленность кавказской делегации, всего в Трапезунд прибыло около 40 человек. Главные представители не имели серьезного политического и дипломатического опыта.

Безусловно, во время переговоров поднимался вопрос о независимости Закавказской конфедерации. Турецкая сторона упорно уходила от решения этого вопроса, подчеркивала необходимость налаживания экономических и коммерческих отношений. В некоторой степени это был шантаж. Закавказским представителям заявлялось, что признание независимости возможно только при отказе от претензий на санджаки Батума, Ардагана и

Карса [20, л. 73]. В самом Брест-Литовском договоре судьба данных территорий определялась туманно: они отделялись от России и однозначно очищались от ее войск. А дальше их строй определялся после согласования позиций соседних государств, главным образом Турции. Г.В. Чичерин, признавая катастрофичность всего мирного договора, в отношении этой ситуации высказывался как о скрытой аннексии. Турецкая сторона также не была удовлетворена неопределенностью формулировок и поэтому начала действовать практически в направлении окончательного отторжения Батума, Ардагана и Карса от России.

Все стороны находились в непростой ситуации, нужно было сохранить мир, не вступить в войну и в то же время отстаивать свои интересы на Кавказе. Турция при военной и дипломатической активности о признании независимости Закавказского правительства говорила осторожно и только в случае, если первый этот шаг сделает Советское правительство. Трапезундская конференция не удалась, закавказская делегация не решила ни один из вопросов. Турецкая сторона выстроила переговорный процесс так, что была очевидна разница интересов армянских, грузинских и азербайджанских представителей. Это было большим достижением для турецкой дипломатии [3, с. 128].

Упустив возможность контролировать политический процесс в регионе, большевики использовали любые предлоги, чтобы урезать Турцию. 12 апреля 1918 г. Министерству Иностранных дел Германии была передана нота, в которой российская сторона просила поспособствовать прекращению истребления армянского населения на территории Ардагана. Ни о каком самоопределении населения Карса, Батума и Ардагана, зафиксированном в договоре, в таком контексте в реальности нельзя было говорить [10, с. 240–241].

Москва не вступила в переговоры с представителями новых правительств, действовала без учета их мнения, опираясь на местных большевиков. В апреле 1918 г. был образован Бакинский Совет Народных Комиссаров под председательством С. Шаумяна. Сразу же был издан декрет о передаче помещичьих земель крестьянам, началась национализация банков, встал вопрос о национализации нефтя-

ной промышленности, который советские власти не сразу решили однозначно. Как сообщал в июне 1918 г. С. Шаумян, откладывать не следовало, но медлил центр в лице Выснархознефти и Главконефти [4, л. 26 об.].

Тенденция к распаду Закавказской республики отчетливо проявилась во время Батумских переговоров, начавшихся 11 мая 1918 года. На конференцию прибыли представители Германии, Турции и Южного Кавказа, фактически три делегации с конкретными инструкциями по ведению переговоров и достижению целей. Уже там была очевидна обособленность азербайджанской части закавказской делегации. Ной Жордания за два дня до провозглашения грузинской независимости докладывал: «Делегация Закавказья в Батуме являет невиданную картину. Есть официальная делегация, говорящая от имени всего Закавказья, и целая серия других делегаций, говорящих от имени мусульманского населения Закавказья, действующих иначе. Они самым простым образом зовут турок в Закавказье, что поднимает шансы Энвер-паши. Впечатление, что официальная – это, фактически, армяно-грузинская делегация» [6, л. 78]. Во время Батумской конференции турецкие войска продвигались дальше вглубь Кавказа, и делали это столь стремительно, что закавказские представители все время ожидали констатации факта оккупации и предъявления ультиматума [6, л. 78].

Россия относительно данного переговорного процесса осталась в стороне, большевики категорически отказывались признавать Закавказское правительство. Германия обоснованно опасалась усиления турецкого влияния на Кавказе. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и грузинские чиагурские месторождения марганца. Действия турецкого командования могли в конечном итоге закончиться объединением под эгидой султанской Турции всех мусульманских народов Кавказа и Туркестана. Германскую сторону эта ситуация беспокоила и не устраивала, так как она планировала использовать турецкую армию против англичан в Персии.

Вероятно, желание сдержать Турцию и спровоцировало следующую инициативу. В разгар работы Батумской конференции германское правительство предложило в Москве

свое посредничество с целью примирения южнокавказских представителей и Советской России. Граф Мирбах, получив согласие советской стороны, предложил провести переговоры в Киеве, большевики же настояли на Владикавказе. Пока шли российско-германские дискуссии о месте и формате встречи, Закавказское правительство распалось. В Батум советский представитель так и не прибыл.

РСФСР в этих условиях симметрично реагировать на военные передвижения Турции было трудно, так что свои войска она вывела. Большевики рассматривали Турцию как «подсобное» государство Германии. Поэтому в день открытия Батумской конференции (11 мая 1918 г.) Г.В. Чичерин обратился именно к немецкому дипломатическому представителю Мирбаху с нотой, в которой в очередной раз отметил, что Закавказское правительство нелегитимно. Нарком иностранных дел подчеркнул целесообразность переговоров о проведении в жизнь Брестского договора на турецкой границе именно с Советским правительством [10, с. 285]. Нота никаких последствий не имела, а что касается восприятия России на месте, то участники Батумских переговоров практически не брали ее в расчет.

Г.В. Чичерин отмечал, что против закавказского правительства ведется борьба, но при сохранении мира с Турцией [10, с. 302]. В равной степени Россия отказывалась признавать и Союз горцев Кавказа [10, с. 302]. Таким образом, советское правительство всячески подчеркивало деструктивный и антинародный характер развернувшихся национальных политических процессов. Упор делался на то, что население не поддерживает ни данные политические силы, ни саму идею независимости. В то же время нужно было адекватно реагировать на продолжающееся наступление турецких войска, которое позиционировалось как необходимость защиты мусульманского населения.

Политический процесс, изначально направленный на самоопределение Южного Кавказа, относительно России и Турции зашел в тупик. Принятие политических решений стало делом сугубо национальным. Так, грузинские меньшевики удовлетворили требование турецких властей о свободном продвижении по кавказским железным дорогам и пропустили войска через свою территорию. Турция

данный процесс аргументировала необходимостью проникновения в Персию и стремлением защитить население от Бакинского совета.

Батумские переговоры стали последними, где закавказские народы выступили консолидированно. Точкой невозврата стал турецкий ультиматум о территориальных изменениях, неприемлемых для грузинских и армянских представителей. К этому моменту турецкие войска заняли Карс, Ардаган и Батум и потребовали передачу Ахалцихе, Ахалкалаки и Александрополя. Выполнение данных условий означало установление военно-политического контроля над территорией Южного Кавказа. Ультиматум выходил далеко за пределы приобретений Турции по Брестскому договору. 26 мая 1918 г. Грузия объявила о своей независимости, 28 мая – Армения и Азербайджан.

4 июня Грузия вынуждена была заключить с Турцией «договор мира и дружбы», ставивший ее в полную зависимость от Стамбула. Такой же договор был заключен между турецким правительством и республикой Арменией [8]. Наряду с тяжелейшими территориальными потерями (Батум, Ахалцихе, Ахалкалаки, Карс, Ардаган, части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов), в дополнительных договорах, подписанных в тот же день представителями турецкой, армянской и грузинской сторон, оговаривался турецкий контроль над железными дорогами.

Сразу же после провозглашения самостоятельного государства, 30 мая 1918 г., министр иностранных дел Азербайджана М.Г. Гаджинский направил в Турцию телеграмму с просьбой о посредничестве в налаживании дипломатических связей с европейскими державами [2, с. 12]. 4 июня 1918 г. с Оттоманским правительством был заключен договор о дружбе.

Отсутствие военной силы на Кавказе определило слабость позиций большевиков. Отправляя многочисленные ноты представителям Германии в РСФСР, советское правительство не могло остановить турецкое наступление. Единственным слабым форпостом советской власти был Бакинский СНК. Однако консолидировать имеющиеся политические силы он не смог, и по мере усиления ту-

рецкой угрозы Бакинский совет принял решение о приглашении Англии для организации обороны.

И в политическом, и в военном отношении Россия уступала позиции. Поэтому в добавочном к Брестскому договору соглашении, заключенном 27 августа 1918 г., появилась статья о том, что Россия согласна на признание Германией независимости Грузии. Делая небольшую уступку, большевики оставляли лазейку для собственной политики в регионе, так как само советское правительство признания не выразило, и соответственно «руки» у него в отношении той же Грузии «были связаны». В обмен на этот компромисс Россия получала Бакинский уезд, невзирая на то что на момент заключения он был занят англичанами. Затем, в сентябре, как известно, их вытеснили турецкие силы.

Обращения наркомата иностранных дел РСФСР в МИД Турции по проблеме Карса, Ардагана и Батума оказались тщетными. Из ряда документов, включая ноту Чичерина МИДу Турции 20 сентября 1918 г., становится ясно, что одновременно с введением турецкой администрации на территории Карса, Ардагана и Батума производилась принудительная мобилизация мужского населения. Само же турецкое правительство отрицало факт военного наступления, хотя донесения с мест свидетельствуют о полном занятии города вооруженными силами уже 15 сентября 1918 года [12, л. 12]. Успехи на Кавказе были кратковременными, так как в это же время на фронтах Первой мировой войны Турция терпела поражение. По Мудросскому перемирию от 30 октября 1918 г. она должна была отозвать свои войска из Закавказья. Год заканчивался для страны катастрофически, в ночь на 3 ноября 1918 г. лидеры младотурок покинули Стамбул. Наступил период безвластия.

Таким образом, участие внешних сил, включая Турцию и Россию, в политических процессах Южного Кавказа было обусловлено их стихийностью, неуправляемостью, отсутствием политического опыта элит и слабостью политических сил. Большевики оказались заложниками декларируемого права на самоопределение и стремления продемонстрировать всему миру его практическое воплощение. Кроме того, с самого начала был

взял курс на отрицание правомерности действий и факта существования Закавказского правительства, что не давало возможности вести с ним переговоры, как это делала турецкая сторона. Совнарком пытался осечь Турцию в ее политике на Кавказе, действуя через Германию, однако безрезультатно. Немецкое командование не могло справиться с ситуацией, кавказская политика Турции осуществлялась вопреки сдерживающим попыткам Германии. Тем не менее турецкая активность, в том числе военная, имела неудачное завершение к концу 1918 года.

Если в начале 1918 г. в рядах местных политических элит Южного Кавказа отмечались колебания относительно принадлежности к России, то по мере усиления кризиса в российском центре и активизации Турции нарастало стремление к независимости. Первоначальная политическая консолидация армянского, азербайджанского и грузинского народов была инерционной, с оглядкой на Учредительное собрание, затем на мирные переговоры держав. Без наличия объединяющей третьей силы пошло разобщение. Турция не годилась на роль консолидирующего фактора, и даже наоборот, под ее влиянием происходил распад единых закавказских органов власти. Сказались ее явная поддержка мусульманского населения в этнотерриториальных проблемах региона и обостренные армяно-турецкие отношения. Кратко характеризуя сложившуюся в 1918 г. геополитическую ситуацию вокруг Южного Кавказа, можно сказать, что новая Россия свой шанс упустила, а «уходящая в прошлое» Турция не смогла закрепиться.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (договор № 18-09-00444/18).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авалов, З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки / З. Авалов. – Париж: [б. и.], 1924. – 340 с.
2. Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика: (Документы и материалы). – Баку: Изд-во «Азербайджан», 1998. – 632 с.
3. Архипова, Е. В. Трапезундская конференция как дипломатический триумф Османской империи / Е. В. Архипова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 5. – С. 122–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.13>.
4. Бакинский Совет Народных Комиссаров. 23.06.1918 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). – Ф. 4. – Оп. 1. – Папка 321. – Д. 54836. – 79 л.
5. Векилов, Р. А. История возникновения Азербайджанской республики / Р. А. Векилов. – Баку: Элм, 1998. – 32 с.
6. Владикавказ 6 июня 1918. Подполковник Шардиньи, командир французского отряда на Кавказе – господину генералу Ляверню, военному атташе при французском посольстве в России // АВП РФ. – Ф. 4. – Папка 321. – Д. 54836. – 79 л.
7. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – Париж: Изд-во Поволоцкого, 1921. – Т. 2. – 345 с.
8. Договор о мире и дружбе между Императорским Оттоманским правительством и Республикой Арменией. Батум, 4 июня 1918. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://wa.nt.am/> (дата обращения: 21.08.2017). – Загл. с экрана.
9. Доклад Комиссии о мире на заседании Закавказского сейма 16 февраля (1 марта) 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р5881. – Оп. 1. – Д. 524. – 184 л.
10. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 772 с.
11. Жордания, Н. Моя жизнь / Н. Жордания. – Стэнфорд: Гуверов. ин-т, 1968. – 130 с.
12. Кеворкьян, А. Бывший курьер Миссии в Тегеране в ЦК РКП (большевиков) / А. Кеворкьян // ГАРФ. – Ф. Р. 130. – Оп. 3. – Д. 184. – 212 л.
13. Ленин, В. И. Доклад о внешней политике / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 36. – 551 с.
14. Ментешашвили, А. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг. / А. Ментешашвили. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://burgusi.wordpress.com/2009/08/02/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%B0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BB-%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%88%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B8%D0%B7-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%B7%D0%B0/> (дата обращения: 16.02.2018). – Загл. с экрана.

15. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорельский, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 318 с.

16. Озторк, М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Озторк Мустафа. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – 188 с.

17. Петросян, Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.) / Г. А. Петросян. – Ереван : Изд-во ЕГУ, 2012. – 424 с.

18. Речь Председателя Закавказского Комиссариата Е.П. Гегечкори о внешней политике на втором заседании Закавказского сейма: 13 (26) февраля 1918 // ГАРФ. – Ф. Р5881. – Оп. 1. – Д. 524. – 184 л.

19. Соколова, Н. А. Политические и торговые отношения между Советской Россией и Турцией в 1917–1923 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Соколова Наталья Александровна. – Владимир : Изд-во ВГПУ, 2012. – 200 с.

20. Трапезунд. 21 марта 1918 – 3 апреля 1918 // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Папка 321. – Д. 54836. – 79 л.

21. Хатисов, А. И. «Русская революция и образование Республики Армении на Кавказе (1917–1918 гг.)». 1924 / А. И. Хатисов // ГАРФ. – Ф. Р5881. – Оп. 1. – Д. 524. – 184 л.

22. Юсифзаде, С. З. Первая Азербайджанская Республика: история, события, факты англо-азербайджанских отношений / С. З. Юсифзаде. – Баку : Маариф, 1998. – 208 с.

23. Bechhofer, R. C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920 / R. C. E. Bechhofer. – New York, 1971. – 324 p.

REFERENCES

1. Avalov Z. *Nezavisimost Gruzii v mezhdunarodnoy politike 1918–1921 gg.: Vospominaniya. Ocherki* [Independence of Georgia in the International Politics of 1918–1921: Memoirs. Essays]. Paris, 1924. 340 p.

2. *Azerbaydzhanskaya Demokraticeskaya Respublika. Vneshnyaya politika. (Dokumenty i materialy)* [Azerbaijan Democratic Republic. Foreign Policy. (Documents and Materials)]. Baku, 1998. 632 p.

3. Arkhipova E.V. Trapezundskaya konferentsiya kak diplomatičeski triumf Osmanskoy imperii [Trabizond Conference as a Diplomatic Triumph of the Ottoman Empire]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 5, pp. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.13>.

4. Bakinskiy Sovet Narodnykh Komissarov. 23.6.1918 [Baku Council of People's Commissars.

23.6.1918]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 4, Op. 1, F. 321, D. 54836, 79 l.

5. Vekilov R.A. *Istoriya vozniknoveniya Azerbaydzhanskoy respubliki* [History of Establishment of the Azerbaijan Republic]. Baku, Elm Publ., 1998. 32 p.

6. Vladikavkaz 6 iyunya 1918. Podpolkovnik Shardini, komandir frantsuzskogo otryada na Kavkaze – gospodinu generalu Lyavernyu, voennomu attashe pri frantsuzskom posolstve v Rossii [Vladikavkaz of June 6, 1918. Lieutenant Colonel Chardinia, Commander of the French Detachment in the Caucasus – General Liavernu, Military Attaché at the French Embassy in Russia]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 4, P. 321, D. 54836, 79 l.

7. Denikin A.I. *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Paris, Izd-vo Povolotskogo, 1921, vol. 2. 345 p.

8. *Dogovor o mire i druzhbe mezdu Imperatorskim Ottomanskim pravitelstvom i Respublikoy Armeniy. Batum, 4 iyunya 1918* [Treaty of Peace and Friendship Between the Imperial Ottoman Government and the Republic of Armenia. Batum, June 4, 1918]. URL: <http://wa.nt.am/>.

9. Doklad Komissii o mire na zasedanii Zakavkazskogo seyma 16 fevralya (1 marta) 1918 g. [Report of the Commission on Peace at the Meeting of the Transcaucasian Seim of February 16 (March 1), 1918]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F. R5881, Op. 1, D. 524. 184 l.

10. *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 1.* [Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959. 772 p.

11. Zhordaniya N. *Moya zhizn* [My Life]. Stanford, Guverovskiy institute Publ., 1968. 130 p.

12. Kevorkyan A. Byvshiy kuryer Missii v Tegerane v TsK RKP (bolshevikov) [The Former Courier of the Mission in Tehran in the Central Committee of the RCP (Bolsheviks)]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F.R. 130, Op. 3, D. 184. 212 l.

13. Lenin V.I. Doklad o vneshney politike [Report on Foreign Policy]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 36* [Complete Collection of Writings. Vol. 36]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1974. 551 p.

14. Menteshashvili A. *Iz istorii vzaimootnosheniy Gruzinskoy Demokraticeskoy Respubliki s sovetskoy Rossiey i Antantoy. 1918–1921 gg.* [From the History of Relations Between the Democratic Republic of Georgia and the Soviet Russia and the Entente. 1918–1921]. URL: <https://burusi.wordpress.com/2009/08/02/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BB-%D0%BC%D0%B5%D0%>

BD%D1%82%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%88%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B8%D0%B7-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%B7%D0%B0/.

15. Pogorelyy D.E., Fesenko V.Yu., Filippov K.V. *Noveyshiy politologicheskiy slovar* [The Newest Political Science Dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 318 p.

16. Ozyurk M. *Sovetsko-turetskie otnosheniya na Kavkaze v 1918 – 1923 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet-Turkish Relations in the Caucasus in 1918–1923. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, SPBGU Publ., 2010. 188 p.

17. Petrosyan G.A. *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiey (1918 – 1920 gg.)* [Relations Between the Republic of Armenia and Russia (1918–1920)]. Erevan, EGU Publ., 2012. 424 p.

18. Rech Predsedatelya Zakavkazskogo Komissariata E.P. Gegechkori o vneshney politike na vtorom zasedenii Zakavkazskogo seyma: 13 (26) fevralya 1918 [Speech of Transcaucasian Commissariat Chairman E.P. Gegechkori about Foreign Policy at the Second Meeting of the Transcaucasian Seim: February 13 (26), 1918]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*

[State Archive of the Russian Federation], F. R5881, Op. 1, D. 524. 1841.

19. Sokolova N.A. *Politicheskie i trgovye otnosheniya mezhdru Sovetskoy Rossiey i Turtsiey v 1917–1923 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Political and Trade Relations Between Soviet Russia and Turkey in 1917–1923. Cand. hist. sci. diss.]. Vladimir, VGPU Publ., 2012. 200 p.

20. Trapezund. 21 marta 1918 – 3 aprelya 1918 [Trabizond. March 21, 1918 – April 3, 1918]. *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 4, Op. 1, P. 321, D. 54836. 791.

21. Khatisov A.I. *Russkaya revolyutsiya i obrazovanie. Respubliki Armenii na Kavkaze (1917–1918 gg.). 1924* [The Russian Revolution and Education. Republic of Armenia in the Caucasus (1917–1918). 1924]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], F. R5881, Op. 1, D. 524. 1841.

22. Yusifzade S.Z. *Pervaya Azerbaydzhanskaya Respublika: istoriya, sobytiya, fakty anglo-azerbaydzhanskikh otnosheniy* [First Azerbaijan Republic: History, Events, Facts of Anglo-Azerbaijani Relations]. Baku, Maarif Publ., 1998. 208 p.

23. Bechhofer R.C.E. *In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920*. New York, 1971. 324 p.

Information about the Author

Karine R. Ambartsumyan, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St., 1, 355009 Stavropol, Russia Federation, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Информация об авторе

Каринэ Размиковна Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>